

Žaža, Stanislav

Еще раз к характеристике отрицательных конструкций в русском языке

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 2003, vol. 52, iss. A51, pp. [51]-56

ISBN 80-210-3151-4

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100016>

Access Date: 09. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СТАНИСЛАВ ЖАЖА

ЕЩЕ РАЗ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Отрицательные варианты синтаксических конструкций неоднократно подвергались анализу в разных грамматиках и статьях многих лингвистов (см. список литературы в конце этой статьи). Причиной, заставляющей лингвистов прибегать к специальному анализу этих структур, является тот факт, что они в некоторых случаях выразительно отличаются от положительных вариантов.

2. Так, напр., одно из заметных расхождений между положительными и отрицательными конструкциями заключается в употреблении форм падежей: характеристическим для употребления отрицательных вариантов является употребление в русском языке (РЯ) формы родительного отрицания (Род) в функции прямого дополнения, напр. *Ева не рвала цветов, Павел не читает детективов* вместо винительного (Вин), напр. *Ева рвала цветы, Павел читает детективы*.

Общеотрицательным предложениям с экзистенциальным глаголом быть и аналогичными глаголами, содержащими Род обобщения, типа *свободных мест нет, трудностей не встречается, вопросов больше не последовало, никаких бумаг не сохранилось, на небе ни звёздочки* уделяется внимание в связи с противоположными конструкциями, содержащими Им конкретизирующего значения, напр. *ожидаемые вопросы не последовали, предполагаемые трудности не встречаются, эти бумаги не сохранились*. Для чешских русскоговорящих адекватное употребление форм отрицательных конструкций представляет особое затруднение вследствие того, что Род отрицания в современном чешском языке (ЧЯ) превратился в категорию, почти полностью отмирающую. (Об известных симптомах подобной тенденции и в РЯ ср. Кост 1994).

3. Предложения с Род нередко представляют в существующих до сих пор грамматиках предмет спора с точки зрения характеристики их структуры: в некоторых источниках они считаются односоставными (Г 1970, 562 ; РГ 1979, 2, 836; РССЧ 170), в других – двусоставными, или подчеркивается возможность двойкой оценки (PMR 117; РССЧ 119). – В РГ 1980,

2, 408, и КГ, 418 сл., эти предложения относятся к двукомпонентным (значение термина не совпадает с понятием двусоставных). Понимание двусоставности/односоставности структур считается сомнительным у Зол 1998.

Существенным фактором дифференциации положительных и отрицательных конструкций является, однако, не факт различия между двусоставностью и односоставностью предложений, а различие между глобальностью, обобщенностью, общеотрицательным характером конструкции с одной стороны, а определенностью, конкретностью, единичностью – с другой.

Аналогичным случаем своего рода является также употребление Род отделительного, партитивного. Обобщение здесь касается или факта полноты какого-нибудь множества, или, наоборот, подчеркивается лишь часть целого; полное множество в данном случае не учитывается: *навалило снегу; прибавилось забот; воды убывает × мама подлила молока; прибавьте, пожалуйста, хлеба*. В ЧЯ неполная часть целого чаще выражается с помощью Вин существительного, выражающего меру вещества, напр.: *tamínka přilila trochu mléka, přidejte (mi) prosím kousek chleba*.

5. С различием в употреблении падежей встречаемся, главным образом, в предложениях с положительной / отрицательной формой *быть* в качестве полнозначительного глагола. В то время как в положительном значении подлежащее выступает в форме Им, ср. *Проекты ракетопланов есть; В ванне есть (были, будут) медузы; В ванне ∅ вода; Преподаватель был в классе, Очки ∅ на столе* (наличие или отсутствие реальной формы наст. вр. глагола играет в данном случае лишь второстепенную роль), то в отрицательном варианте субъект получает форму Род, последствием чего является и наличие безличной, нейтральной формы предиката: *В море нет медуз, В ванне не было воды, Преподавателя в классе нет, Неприятностей не будет* и т. п. Экзистенциальный характер глагола, однако, здесь не меняется; вследствие этого нет, по нашему мнению, причины считать отрицательные конструкции односоставными в отличие от положительных (ср. РССЧ 156).

Другой тип представляют предложения с частным отрицанием – оно не оспаривает общий положительный характер глагола, ср.: *Будут не трудно-сти, а неприятности. – У меня не насморк, а кашель*. Положительный характер иногда подразумевается только из контекста или из ситуации: *У Тани не чёрные глаза /а голубые/*. Ср. Кř 1968, В-У 1996.

6. Обобщающим значением могут характеризоваться даже предложения, в которых отрицательная форма наст. вр. глагола *быть* остается полностью не выраженной вследствие наличия обобщающей частицы-негатора *ни*: *∅ ничего лишнего (to není) nic zvláštního; ∅ никого знакомого, (není tu) nikdo známý, на небе ∅ ни облачка na nebi není ani mráček, в кармане ∅ ни гроша v kapse (nemám) ani groš/halíf*.

Ср., однако, предложения типа *билетов* Ø *ни одного* в п. 11.

К экзистенциальным предложениям относятся также конструкции с эллипсисом Род субъекта, как, напр., *нет родней матери* *není nad vlastní matku*, *слаще лесной земляники нет*, *není nic sladšího nad lesní jahody*, *нет священнее слова «труд»* *není vznešenější slovo než „práce“*: Их структура следующая: *нет* [человека] *роднее матери*, *нет* [плода] *слаще земляники*, *нет* [слова]...

7. Глагол *быть* в положительной форме встречаем также в конструкции типа *Здесь есть с кем посоветоваться*; *Нам есть о чём поговорить*; *Туристам будет там на что посмотреть* (ср. РССЧ 172, РМР 46, 47). Глагол здесь справедливо считается экзистенциальным. Его семантика определяется так, что «обозначает возможность действия, возникшую в результате наличия кого-либо или чего-либо» (РССЧ, там же). Возможность осуществления действия, однако, лексически не выражена.

8. Рядом с этим есть также отрицательные варианты этих предложений: *Здесь не с кем посоветоваться*; *Нам негде было ночевать*; *Некому будет заступиться за него* – с конструкциями, содержащими безличную форму *быть*. Подобные структуры РССЧ 170, и РМР 116, считают, в отличие от предшествующих, связочными. Однако такое понимание нам кажется спорным. Сращение негатора *не* с формами местоимений-наречий *кому*, *кем*, *где...* не исключено считать аналогией исторического сращения форм *не (есть)ть*, результатом которого является слово *нет*, служащее формой наст. вр. экзистенциального глагола (ср. Фасм 3, 67; Шан 220). Эти слова фактически не представляют никакой особой формы местоимения *кого*, *кому*,... так как формы Им местоимений с элементом *не* в данном значении в собственном смысле слова нет (формы *некто*, *нечто* другого происхождения).

Различия в выражении (а также в ударяемости/энклитичности глагола (ср. *Есть куда пойти* × *Некуда пойти*; *Бьло на кого положиться* × *Не на кого было положиться*), вряд ли могут считаться препятствием, мешающим полнозначительному характеру глагола. Можно ли ударяемость/энклитичность считать одним из критериев оценки глагола как полнозначительного /связочного, остается под вопросом.

9. Конструкции указанного типа (*Здесь не с кем посоветоваться*; *Нам негде было ночевать...*), по-нашему, в основном не отличаются от предложений с отрицательной формой глагола типа *Нет необходимости заботиться об этом*; *У нас не было возможности проверять это*; *Ему нет смысла ходить туда*, в которых модальная категория (не)возможности / (не)целесообразности выражена с помощью Род.

10. С сопоставительной точки зрения небезынтересна лексически ограниченная группа экзистенциальных конструкций, содержащих Род существительных девербативного характера. Эти конструкции, выражающие модальное значение возможности/невозможности реализации действия, часто встречаются в разного рода объявлениях, предостережениях и др.: в ЧЯ они обычно не имеют прямых соответствий; напр.: *Посадки нет*

nenastupovat / zde se nenastupuje; *Хода нет* cesta uzavřena / zakázaná cesta; *Красный свет – перехода нет* „na přechodu červená ‚stůj!‘ pro chodce znamená“; *От прессы тайн нет* před tiskem se nic neutají; *Пересадки у меня нет* přesezat nemusím; *Сегодня нет передачи* dnes se nevysílá; *Завтра приёма нет* zítra se (pro stranu) neúřaduje; *На следующей неделе демонстрации нет* příští týden se nepromítá.

Некоторые конструкции этого типа содержат Дат (или другой падеж субъекта/объекта): *Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу.* (Крылов) *Можу се přetřhnout, ale vůz se ani nehne.* – *Ей сна нет от французских книг,...* (Грибоедов) *Їí nedají spát francouzské knihy...* – *Врачам / у врачей / для врачей нет другого выхода.* *Лéкаři nemají jiné východisko.* – *Запасам нет счёту.* *Зásob je habaděj.* – *Невестам нет перевода.* О невесты není pouze (= nedají se spočítat).

11. От вышеприведенных структур с экзистенциальным глаголом необходимо отличать конструкции связочно-именного характера, т. е. предложения с глаголом-связкой и присвязочным элементом, выражающим качественную или количественную характеристику (ср. Зим 1974), напр. *Отец – инженер.* – *Сын не похож на отца.* – *Ева сегодня не в своей тарелке.* – *Было холодно.* – *Дяде почему-то стало грустно.* Имеется длинный ряд структурно-семантических типов подобных конструкций. К ним относятся также предложения с предикативными наречиями или их функциональными эквивалентами типа *Можно было еще подождать.* – *Нам надо будет уехать.* – *В данном случае нельзя было отказаться.* – *Ему лень было одеваться* и мн. др. .. Связочно-именными следует, по нашему мнению, считать также предложения типа *Билетов ∅ ни одного.* – *Блиzkих, сочувствующих ∅ никого* (ср. Мз 1973, 117).

12. В некоторых из этих структур играют роль особые факторы семантического порядка, вследствие чего возникают затруднения относительно их характеристики. Ср., напр.: (1) *В зале нет места для аппаратуры.* – *На-найцам не было места на земле.* – *На болтовню нет у меня времени.* × (2) *Здесь ∅ не место спорам / спорить.* – *Сегодня ∅ не время разговорам / разговаривать.* Раличие между конструкциями (1) и (2) состоит в том, что в первых из них слова *место, время* употреблены в своем первоначальном вещественном значении, в то время как во вторых они приобретают значение квалификатора условий, превращаются в функциональные предикативы типа *неуместно, нецелесообразно.* Отрицание, следовательно, выполняет в них функцию лексического отрицания. (Лексическое отрицание в общем для РЯ характерно в отличие от ЧЯ, напр.: *Денег было немало peněz bylo dost; Они не вели себя неприлично chovali se celkem slušně; Ваня неплохой скрипач V. je docela dobrý houslista* и мн. др.). Вышеприведенные конструкции указывают на то, что средства, силы, возможности когонибудь недостаточны для достижения цели: *Это ∅ не по силам кибернетике je to nad možností kybernetiky; Матери коньки были не по карману на brusle neměla peníze; Пальто ей не по росту kabát je jí krátký; Я не в со-*

стоянии был объяснить свое поведение nebyl jsem s to vysvětlit své chování и т. п. Ср. о них PMR 48, Жа 1988, 169.

13. С сопоставительной точки зрения стоят внимания также конструкции типа *Ирине было не до шуток*. Ср. о них *Ža* 2002, 89.

14. Автор статьи в общем отстаивает мнение, что основным критерием классификации отрицательных и положительных структур в русских и чешских грамматиках РЯ целесообразно считать последовательную дифференциацию экзистенциального и связочного характера глагола *быть* (и близких ему по значению глаголов). Необходимо также учитывать расхождения в функции лексического отрицания в РЯ и ЧЯ. Данным критериям желательна в соответствующей мере приспособляемость и формальную классификацию подобных структур.

ЛИТЕРАТУРА

- Грамматика современного русского литературного языка*. (Г) Москва, 1970, с. 562 сл.
- ЖАЖА, С. (Жа) *К некоторым проблемам отрицательных конструкций в русском языке*. Bulletin ruského jazyka a literatury 29, 1988, с. 165–172.
- ЗИМЕК, Р. (Зим) *Функционально-структурное описание присвяточных элементов (в русском языке)*. Acta Universitatis Palackianae Olomucensis – Philologica 35, Olomouc 1974, с. 109.
- ЗОЛОТОВА, Г. А. – ОНИПЕНКО, Н. К. – СИДОРОВА, М. Ю. (Зол) *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва, 1998, с. 150–162.
- КОСТОМАРОВ, В. Г. (Кост) *Языковой вкус эпохи*. Москва, 1994.
- Краткая русская грамматика*. (КГ) Москва, 1989, с. 418 сл.
- МРАЗЕК, Р. (Мз) *Количественный предикат и его связь с двухбазисными структурами*. Čs. rusistika 18, 1973, с. 117–123.
- МРАЗЕК, Р. (Мз) *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков*. Brno 1990.
- Русская грамматика II*. (РГ) Москва, 1980, с. 408 сл.
- Русская грамматика II*. (РГ) Praha, 1979, с. 836 сл.
- Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* (М. Кубик и колл.). (РССЧ) Praha 1982.
- ФАСМЕР, М. (Фасм) *Этимологический словарь русского языка* 3, с. 67. Москва, 1971 (М. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg 1958–1962).
- ШАНСКИЙ, Н. М. и колл. (Шан) *Краткий этимологический словарь русского языка*. Москва, 1961.
- ADAMEC, P. *Порядок слов в современном русском языке*. Praha, 1966.
- BAUER, J. – MRÁZEK, R. – ŽAŽA, S. (PMR) *Příruční mluvnice ruštiny 2*. Skladba. Praha 1979³
- BĚLIČOVÁ, H. – UHLÍŘOVÁ, L. (B-U) *Slovanská věta*. Praha 1996, s. 34–44.
- Encyklopedický slovník češtiny*. Ed. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha 2002.
- GREPL, M. – KARLÍK, P. *Skladba češtiny*. Olomouc 1998.
- HRABĚ, V. – ADAMEC, P. – KUBÍK, M. *Transformační syntax současné ruštiny I., II*. Praha 1970.
- ILEK, B. *O některých zvláštních rysech ruského záporu ve srovnání s českým*. Sborník VŠP v Olomouci – Jazyk a literatura, 1954, s. 27–44.
- KŘÍŽKOVÁ, H. (Kř) *Ke vztahu tzv. záporu větného a členského v slovanských jazycích*. Čs. přednášky pro VI. MSS v Praze. Praha 1968, s. 71–75.
- MRÁZEK, R. (Mz) *K vyjadřování záporu v ruštině*. Ruský jazyk 9, 1959, s. 246–250.
- ЗИМЕК, Р. (Зим) *Sémantické výstavba věty*. Praha 1980.
- ŽAŽA, S. (Ža) *K problematice negativních konstrukcí se slovesem esse v ruštině a v češtině*. Čs. přednášky pro VIII. MSS v Záhřebu – Lingvistika, Praha 1978, s. 109–115.
- ŽAŽA, S. (Ža) *K jednomu typu českých a ruských vět s funkčním predikativem (Ireně není do smíchu – Ирине не до смеха)*. Sborník prací FFBU A 50, 2002, 89–92.

JEŠTĚ K CHARAKTERISTICE NEGATIVNÍCH KONSTRUKCÍ V SOUČASNÉ RUŠTINĚ

Autor se s odvoláním na některá předcházející zjištění zamýšlí nad jistými rozdíly v klasifikaci negativních a pozitivních konstrukcí v gramatikách ruštiny. Tyto diference v pojetí jsou způsobeny mimo jiné rozdílnou jazykovou situací v obou jazycích. V ruštině je na rozdíl od češtiny jedním z charakteristických výrazových prostředků záporový genitiv, především v strukturách existenciálního rázu (*свободных мест нет, трудностей не встречается, никаких бумаг не сохранилось*), ale i jinde, a také různá specifická váha negace částečné a lexikální. V souvislosti s těmito rozdíly nalézáme v ruských i českých gramatikách ruštiny různá funkční hodnocení pozitivních a negativních konstrukcí, nejednotně se rozlišují struktury dvojčlenné a jednočlenné, rozdílně se klasifikují případy existenciálního a sponového charakteru slovesa *esse* ap. Autor soudí, že za základní kritérium členění podobných konstrukcí je třeba považovat rozlišování existenciálního a sponového rázu slovesa *esse* (popř. významově blízkých sloves), a rovněž rozdílů v uplatnění lexikální negace v obou jazycích. Tomu je žádoucí v náležitě míře adaptovat i formální klasifikaci sémanticky odpovídajících struktur.

Stanislav Žaža
Ústav slavistiky FF MU
Arna Nováka 1
602 00 Brno